

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ МЕТОДОЛОГИИ И ОНТОЛОГИИ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

*О.В. НИФАЕВА, кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры производственного менеджмента,
Брянский государственный технический университет
e-mail: olganifaeva@yandex.ru*

Аннотация

В статье выделены ключевые направления трансформации методологии и онтологии современной экономической теории. Рассматриваются факторы, обусловившие необходимость пересмотра общепринятой модели человека экономического. Показано, каким образом происходит расширение модели человека, что является важным фактором эволюции дисциплинарной онтологии экономической теории. Описанные в статье изменения могут в будущем стать методологической основой научной революции в экономической науке.

Ключевые слова: модель человека, методология, онтология, этика, экономическая рациональность.

DOI: 10.31429/2224042X_2021_62_3

Рассматривая историю развития экономической теории, российские ученые иногда используют терминологию и подходы, взятые из философии науки. Так, в соответствии с одной из концепций развития научного знания, существующей (хотя и не общепризнанной) в российской философии науки, современный этап развития теоретического знания можно охарактеризовать как во многом междисциплинарный, связанный с активным взаимодействием и взаимообогащением общественных, гуманитарных и естественных наук [10]. В социально-гуманитарных науках ученый все чаще считается активным субъектом познания, привносящим в процесс получения знания свои ценности и стереотипы мышления. Современная теоретическая экономическая наука (конца XX — начала XXI в.) стала своего рода реакцией на критическое отношение к ее методологии и онтологии, оформленное еще в последней трети XX в., означенное

так называемым «методологическим бумом» и особенно остро проявляющееся в период экономических кризисов.

Напомним, что теоретическая экономическая наука критиковалась за неспособность исследовать динамические процессы (а также предсказывать и предотвращать следовавшие один за другим экономические кризисы), оторванность от реальности, устаревшие методологические предпосылки. Критика также раздавалась в отношении чрезмерной формализации экономической науки, ее математизированности, вследствие чего, по сути, речь шла о нарушении фундаментального принципа приоритета экономического содержания перед математической формой. «Формалистская революция», по выражению М. Блауга, сопровождалась превращением экономической науки в «социальную математику», фрагментацией экономического знания, отрывом от хозяйственной практики [2—4; 12]. Однако даже в период так называемого кризиса экономическое знание не было столь однородным, каким оно кажется, если судить о нем по учебникам экономикс базового уровня. В нем всегда существуют различные теоретические школы и направления, и именно это разнообразие идей и подходов движет любую науку вперед.

Сегодня в экономической науке также происходят значительные изменения, которые, вероятно, когда-либо будут рассматриваться как революционные. Хотя следует отметить, что научные революции (авторство термина принадлежит К.А. Сен-Симону [9]), особенно в социально-гуманитарных науках, не происходят в один миг, только спустя долгое время (по сравнению с естествознанием) те или

иные новшества начинают оцениваться как революционные. Иногда носителям новых идей требуется немало мужества и времени, чтобы пробиться сквозь толщу превалирующего в тот или иной момент научного знания. Собственно говоря, сам переход к новому этапу развития науки, если следовать взглядам некоторых философов науки, и должен сопровождаться некими коренными изменениями методологического и онтологического характера [5; 10]. Следуя концепциям философии науки В.С. Степина и Т. Куна, эти изменения должны сопровождаться пересмотром философско-методологических оснований науки, а также предмета (области) исследования науки и лежащих в ее основе представлений о природе человека, если речь идет о социально-гуманитарной науке, науке о человеке и обществе.

Любая социально-гуманитарная наука, в том числе экономическая теория, опирается на некие представления о человеке, о том, как он ведет себя в хозяйственной деятельности. Зародившись в недрах этики и философии Древнего мира и постепенно отделяясь от них в Средние века, в эпоху меркантилизма, экономическая наука постепенно сконцентрировалась на изучении факторов обеспечения материального благосостояния нации, общества, состоящего из индивидов, которые, как отчасти можно видеть в трудах Т. Гоббса и А. Смита, преследуют лишь собственные выгоды, не-преднамеренно способствуя всеобщему благу. Способность человека соизмерять выгоды и затраты, удовольствия и страдания, стремиться к первым и избегать вторых стала основой утилитаризма (И. Бентам, Дж. Милль). Идея об арифметике наслаждений и страданий, предложенная И. Бентамом, была, по мнению некоторых историков экономической мысли, воспринята маржиналистами, в частности У.С. Джевонсом, что еще больше закрепило (в том числе благодаря применению математических методов) представление о человеке как об эгоистичном, всезнающем, гедонистически настроенном индивиде, нацеленном на повышение собственного материального благосостояния. Маржинализм вывел использование математических методов в экономи-

ческой науке на качественно новый уровень, но в то же время требовал более конкретных (строгих) представлений о поведении человека без учета всего многообразия его социальной и этической природы, которую по определению нельзя уместить в математические рамки. Ведь в трудах классиков политической экономии, включая Дж.С. Милля, вплоть до конца XIX в. и даже некоторое время после маржиналистской революции, природа человека представлялась менее ограниченной и упрощенной. В то время как для применения математических (количественных) методов исследования природу человека приходится очищать от всевозможных психологических и этических наслоений, делать ее более простой, операциональной с точки зрения математического инструментария. При вербальном (словесном) описании поведения человека ученого остается гораздо больше простора для размышлений, хотя при этом появляются и существенные недостатки: нечеткость, размытость и субъективность аргументации, вызванные интроспективным взглядом отдельного ученого. Здесь исследователю приходится решать знаменитую дилемму строгости и реалистичности.

Преимущества и недостатки есть и у качественных, и у количественных методов, поэтому возможность и эффективность их применения зависят от целей исследования, вероятных направлений применения их результатов и даже личных симпатий ученого. С одной стороны, используя качественные методы исследования, основанные на интуиции и опыте ученого, мы, как в свое время писал Дж. М. Кейнс, имеем возможность держать в голове массу факторов и учитывать их в научной работе [13], не поддаваясь искушению упростить экономическую реальность до удобных математических конструкций. С другой стороны, в случае применения формализованных методов наши рассуждения приобретают четкость, однозначность, понятность для людей, владеющих математическим языком, что, собственно, и должно отличать язык науки, теории от обыденного языка с его многозначностью, характерной для словесных рассуждений.

Учитывая сказанное, нельзя не отметить, что формализация модели экономического поведения, произошедшая благодаря маржиналистской революции, стала важной вехой в развитии методологии экономического знания и методики экономического образования. В то же время многим ученым-экономистам представления о человеке как об эгоистичном индивидуалисте, соизмеряющем издержки и выгоды каждого своего действия, считались явно противоречащими наблюдениям за поведением реального человека с его привычками, принадлежностью к тому или иному сообществу, разными социальными ролями. Ставились под сомнение уникальные счетные способности, полная осведомленность, абсолютная рациональность, устойчивость предпочтений экономических субъектов [1] и тем самым возможность уподобления человека механическому устройству, однозначно реагирующему на те или иные стимулы.

Перечисленные характеристики человека экономического, как правило, объединяются в предпосылку абсолютной экономической рациональности. По Л. Роббинсу, классическая рациональность предполагает выбор наилучшей альтернативы применения ограниченных ресурсов [15]. И если Л. Роббинг писал об альтернативности (множественности) целей, то на деле цели *Homo oeconomicus* сводятся к единственной цели максимально возможного удовлетворения его нужд. Однако раз целей у человека несколько, а его ресурсы ограничены, то выбирает он как раз между целями. Делая выбор, он осуществляет расстановку приоритетов, тем самым в процессе экономического выбора включается все многообразие социальных институтов и референтных групп: семья, система образования, трудовой коллектив, а также личные пристрастия и стереотипы поведения человека. Но магистральная экономическая теория долгое время (а в учебных целях до сих пор) интересовалась только конечным результатом выбора, а не процессом выбора, поэтому обстоятельства и факторы этого процесса оставались для нее за кадром, и только в последнее время они стали все активнее включаться в модели экономического поведения (в рамках

поведенческой экономики, экспериментальной экономики и экономической психологии), хотя пока в виде всевозможных аномалий и отклонений от рационального поведения.

Среди факторов поведения человека в целом (т. е. не только в хозяйственной сфере) выделяют ценности, которых он придерживается, его этические свойства, такие как честность, альтруизм, справедливость, следование действующим нормам. Эти свойства человека в определенной степени соответствуют тому, что этимологически подразумевается под термином «рациональность» как разумность, умеренность, целесообразность действия с этической точки зрения [11]. Это сближает экономическую науку с другими социально-гуманитарными науками, вместе с которыми она формировалась в лоне нравственной философии. Хотя, с другой стороны, для экономической науки нежелательно состояние, характерное для некоторых других социально-гуманитарных наук (например, психологии), в которых на равных существует множество моделей поведения человека, ни одна из которых не может претендовать на превалирующее положение [1]. В экономической науке (как наиболее близкой к естественным наукам) всегда требовалось более строгое, однозначное представление о человеке. Ученые находили выход в том, чтобы моделировать поведение не только одного индивида или двух индивидов с противоположными интересами, но и взаимодействие различных типов экономических субъектов, тем самым в экономической науке возникло понятие гетерогенных экономических субъектов. Это произошло во многом благодаря теории игр и экспериментальной экономике.

Нельзя не заметить, что в настоящее время в различных попытках расширить модель человека экономического, дополнить ее новыми штрихами вырисовываются контуры новой экономической науки (а ведь базовые представления о человеке, модель его поведения — это методологическая основа любой социально-гуманитарной науки), в которой будут функционировать многомерные экономические субъекты, различающиеся по своим

характеристикам (интересам, привычкам, мотивам поведения, отношению к формальным и неформальным нормам). Экономическое поведение в теории, с одной стороны, становится более соответствующим реальности, хотя, с другой — оно перестает быть таким предсказуемым. Когнитивные способности, предпочтения и этические ориентации человека также перестают быть столь однозначными. Уже сегодня благодаря совместной работе экономистов и психологов, в том числе нобелевских лауреатов, доказано, что когнитивные способности развиты у разных людей в разной степени и даже профессиональный экономист может ошибаться, люди не всегда действуют по правилам или в угоду корыстным интересам. Таковы, на наш взгляд, ключевые направления трансформации представлений о человеке в современной экономической науке, а следовательно, преобразования и ее методологических установок.

Кроме того, представления о человеке лежат в основе научной картины мира в экономической науке, а значит, пересмотр модели человека экономического влечет за собой и переориентацию дисциплинарной онтологии экономической теории. В этом смысле мир экономики в теории приближается к тому, каким он является в реальности, он становится многомерным, нелинейным, менее определенным, населенным гетерогенными экономическими субъектами.

Говоря о научной картине мира, принятой в экономической науке в разное время, можно утверждать, что классическая (исходная) модель *Homo oeconomicus* соответствовала так называемой продуктовой онтологии экономической науки, когда основная цель экономики состояла в увеличении материального богатства, а ученые-экономисты вели поиск источников его роста и изучали направления его распределения. В русле продуктовой онтологии вели свои исследования представители классической политической экономии, марксизма, а позднее неоклассики. В XX в. сначала благодаря работе представителей оригинального институционализма и различных ветвей кейнсианства,

а затем в рамках поведенческой экономики и экономической психологии представления ученых о мире экономики и поведении экономических субъектов претерпели изменения, что соответствует институциональной и поведенческой онтологиям, описанным в работе О.И. Ананьина [2]. Экономическая наука начала изучать поведение людей в определенном институциональном контексте, а не исходить из ограниченного и не подлежащего изменению набора предпосылок о природе человека. Достаточно вспомнить о том, что ведущие представители оригинального американского институционализма (например, Т. Веблен, У.К. Митчелл) и Дж.М. Кейнс не только предлагали обратить внимание на достижения психологии и социологии, но и в своих работах исходили из более широкой, чем *Homo oeconomicus*, социально-психологической природы человека [13; 14; 16]. В XX в. модель человека также была расширена за счет представлений об ограниченных возможностях поиска оптимального решения, когда, как показал Г. Саймон, человек скорее выбирает не самый лучший (оптимальный), а первый удовлетворительный вариант [8]. Эти изменения во многом произошли благодаря сближению экономической науки с другими социально-гуманитарными науками.

В настоящее время расширение модели человека экономического также осуществляется за счет дополнения ее социально ориентированными характеристиками, связанными со взаимодействием с другими людьми. Это в свою очередь соответствует гуманистической онтологии и системно-синергетическим представлениям, предполагающим стремление к комплексному анализу поведения человека, учету как можно большего числа факторов его поведения, хотя это и крайне сложная задача.

Как можно заметить, пересмотр и расширение модели человека экономического в истории экономической мысли происходят путем возвышения по уровням (группам) потребностей (инстинктов, ценностей), свойств человека, которые выделяются в психологии, антропологии и прикладных экономических дисциплинах, хотя намного раньше эти уров-

ни (группы) были отмечены рядом выдающихся ученых-экономистов прошлого. Речь идет о витальных, когнитивных и социэтарных свойствах природы человека, рассмотренных в одной из статей автора [7].

К другим признакам формирования новой онтологии, парадигмальных сдвигов в экономической науке, по мнению автора, следует отнести переосмысление предмета экономической науки и категории экономической рациональности. Актуальность своеобразного возвращения к человеку в экономической науке также обусловлена рядом практических обстоятельств [6]. Дело в том, что цели экономического развития напрямую определяются конкретными людьми в конкретных обстоятельствах места и времени и во многом зависят не только от окружающего социально-исторического контекста, но и от личностных особенностей лиц, принимающих решения. Культурный код, заложенный в членах общества, на многие десятилетия вперед определяет вектор его развития, поэтому страны, близкие по уровню обеспеченности материальными, природными, трудовыми ресурсами, могут отличаться по уровню социально-экономического развития. В любом обществе существуют формальные и неформальные нормы, вырастающие из общепринятых этических норм, а значит, последние также оказываются вовлечеными в орбиту исследования экономической науки.

Описанные автором в данной статье направления развития методологии и онтологии современной экономической теории имеют большое значение для развития нашей науки. Безусловно, многомерный подход к рассмотрению поведения человека в русле гуманистической онтологии, исследования разнообразных мотивов, предпочтений, ценностей экономических субъектов ведут к значительному усложнению процесса экономического моделирования, делают экономическую теорию менее строгой, отдаляя ее от естественнонаучных идеалов точности и объективности знания, к которым она всегда стремилась. Однако в то же время многомерный гуманистический подход способствует

формированию новых научных идей (которые и рождаются в условиях разнообразия), развитию критического мышления будущих экономистов, теоретиков и практиков, плодотворному взаимодействию социально-гуманистических наук и соответственно повышению реалистичности и практической направленности теоретического экономического знания.

Библиографический список

1. Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. СПб., 1998.
2. Ананьев О.И. Структура экономико-теоретического знания: методологический анализ. М., 2005.
3. Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М., 2004.
4. Колпаков В.А. Кризис экономической науки как потеря ее жизненной значимости // Эпистемология и философия науки. 2007. Т. 12, № 2. С. 203—211.
5. Кун Т., Лакатош И., Поппер К. Структура научных революций. М., 2003.
6. Нифаева О.В. Экономика и этика: теория и методология взаимосвязи. Брянск, 2015.
7. Нифаева О.В. Этические и методологические основания экономической теории в модели человека // Экономика: теория и практика. 2018. № 3 (51). С. 27—31.
8. Саймон Г.А. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. 1993. Вып. 3. С. 16—39.
9. Сен-Симон К.А. Избранные сочинения: в 2 т. М.; Л., 1948.
10. Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000.
11. Философский энциклопедический словарь / редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев [и др.]. 2-е изд. М., 1989.
12. Blaug M. Ugly currents in modern economics // Options Politiques. 1997. Vol. 18, № 17. P. 3—8.
13. Keynes J.M. The general theory of employment, interest and money. L., 1936.
14. Mitchell W.C. The rationality of economic activity // Journal of Political Economy. 1910. Vol. 18, № 2. P. 97—113.
15. Robbins L. An essay on the nature and significance of economic science. L., 1935.
16. Veblen T. The place of science in modern civilization and other essays. N.Y., 1919.